

МАРИЯ МАРЕЙ*

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ «ПЛАМЯ И КРОВЬ» И СЕРИАЛЕ «ДОМ ДРАКОНА»**

БИОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Получено: 10.08.2024. Рецензировано: 25.10.2024. Принято: 27.02.2025.

Аннотация: Статья представляет собой исследование этических и политических мотивов и поведенческих стратегий основных женских персонажей романа «Пламя и кровь» и основанного на нем сериала НВО «Дом Дракона». Особое внимание уделяется тому, каким образом женские персонажи вырабатывают собственные стратегии формирования идентичности, отличные от тех, которые ожидаются от них в соответствии с их социальным, семейным (матримониальным) и властным статусом, каким образом они используют доступные им средства (брак, деторождение, ресурсы семьи, эмоциональный труд и т. д.). Обратившись к понятию «биополитика» М. Фуко и Дж. Агамбена, автор статьи демонстрирует, каким образом Дж. Мартин использует идеи биополитики и биовласти, чтобы через работу с телом и телесным в различных его проявлениях (в том числе через демонстрацию деторождения) обратиться к той же теме, которая является лейтмотивом «Песни льда и пламени»: вопросу о сущности власти, различиям в мужских и женских властных стратегиях и образах, через которые визуализируется источник власти. Таким образом, статья не только углубляет понимание женских ролей в контексте фэнтезийного мира, но и предлагает более широкие размышления о власти, идентичности и биополитике и сопротивлении биополитическому контролю.

Ключевые слова: власть, этика, политика, биополитика, женщины, идентичность, политическая философия, Мартин, Фуко, Агамбен.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-121-142.

В последние десятилетия мы видим значительный рост интереса к кино как отдельной области исследования, о чем свидетельствует появление различных *studies* (*Cultural Studies*, *Cinema Studies*, *Film History*, *Documentary Studies* и т. д.), рост числа специализированных журналов и организаций, а также собственно публикаций, охватывающих широкий спектр тем на пересечении различных областей философии и киноискусства. Уже не вызывает сомнения тот факт, что обращение

*Марей Мария Дмитриевна, к. филос. н., ответственный секретарь, журнал «Философия. Журнал Высшей школы экономики» (Москва); доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), mdyurlova@hse.ru, ORCID: 0000-0001-9251-4399.

**© Марей, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

к кино и сериалам предоставляет политическим философам интересную возможность анализировать сложные социальные и политические контексты, в которых разворачиваются кино- и сериальные нарративы. Начиная с представителей Франкфуртской школы, философы много пишут о том, что произведения кинематографа не только отражают представления авторов об устройстве пространства политического, но и могут формировать политические идеи, создавая пространство для критического осмысления актуальных вопросов. В этом смысле кино давно является важным инструментом и материалом исследования для политических философов, позволяя им изучать не только теоретические концепции, но и практические проявления таких феноменов, как власть, солидарность, равенство и т. д. Конечно, кинематограф не всегда представляет собой идеологическое высказывание, зачастую выполняя просто развлекательную функцию. При этом, чем более массовым является фильм, тем больше акцентируются его развлекательные аспекты, — но опытный режиссер может интегрировать определенные идеологические концепты в массовое кино. А если фильм или сериал сняты по книгам, то за интересным политико-философским содержанием есть смысл обратиться и к ним тоже и посмотреть, сколько этих идей осталось в экранизации. Джорджо Агамбен, к идеям которого мы прибегнем далее, писал, что «человек — это животное, любящее кино», а воображение и интерес к изображениям как таковым определяют человеческий вид (Gustafsson, Grønstad, 2014: 3).

В данной статье будет рассмотрено, как различные этические и политические идеи, а также биополитический контроль над телами, жизнью и смертью людей (в том смысле, как биополитика понимается Агамбеном) воплощаются в судьбах и поведенческих стратегиях женских персонажей в книгах «Пламя и кровь» Джорджа Р. Р. Мартина и в сериале «Дом Дракона». Также речь пойдет о том, в чем отличие женских властных стратегий от мужских, как Мартин и создатели сериала на их примерах показывают возможности сопротивления властному биополитическому контролю и способы самореализации, отличные от заданных женщинам в силу половой принадлежности и социального статуса.

Роман «Пламя и кровь»¹ (оригинальное название «Fire & Blood») Дж. Мартина, в отличие от цикла «Песнь льда и пламени», написан

¹В данной статье я пользуюсь вторым изданием — двухтомником 2023 г. Первый том имеет подзаголовок «Кровь драконов», второй — «Пляска смерти». Впервые на русском языке книга была издана в 2018 г. (первый том) и 2019 г. (второй том).

в жанре псевдоисторической хроники — на первой же странице мы встречаем указание: «Писано мейстером Гильдейном из Цитадели Староместа и пересказано Дж. Р. Р. Мартином». В романе рассказывается о династии Таргариенов, начиная с их прибытия в Вестерос и заканчивая событиями, прямо предшествующими «Песни льда и пламени» и сериалу «Игра престолов». Жанр хроники предполагает гораздо больше деталей о ключевых персонажах, значимых событиях и политических интригах, которые формировали историю династии. Этот авторский прием создает «эффект присутствия»: возникает ощущение достоверности, реалистичности и глубины повествования, читатели могут представить повороты сюжета как часть более широкой исторической перспективы, что помогает им лучше понять контекст и значимость тех или иных событий. Мартин также использует прием обращения к нескольким рассказчикам, включения различных точек зрения, что позволяет читателю увидеть, как одни и те же вещи воспринимаются разными людьми с разной степенью заинтересованности. Это создает многослойное повествование, в котором каждый голос добавляет свою уникальную перспективу. В «Пламени и крови» таких голосов несколько: помимо мейстера Гильдейна, историю Таргариенов рассказывают септон Евстахий, придворный шут Гриб, к которому Гильдейн относится с недоверием и слова которого постоянно подвергает сомнению, безымянная фрейлина королевы Алисанны, оставившая после себя записки весьма фривольного характера, и другие персонажи, оставившие письменные воспоминания, которые цитирует Гильдейн.

Присутствие других рассказчиков, кроме основного, позволяет Мартину использовать прием «ненадежного нарратора»²: эмоционального, непоследовательного, предвзятого, искажающего или скрывающего информацию, что позволяет автору не давать однозначную интерпретацию событий, а читателю — формировать собственное представление о них.

Повествование в романе начинается с истории Эйгона Завоевателя, который объединил семь королевств под своим правлением, и заканчивается вступлением на престол Эйгона III, получившего прозвище «Драконья погибель», сына Рейениры (Мартин, Виленская, 2023а: 379). Во время его правления умерли последние драконы, с чего символически отсчитывается закат династии Таргариенов.

²О концепции ненадежного рассказчика см.: Жиличева, 2013; Марков, 2023; Штейнман, 2024.

В отличие от «Песни льда и пламени», в этом романе женские персонажи — одни из центральных, а с какого-то момента их противостояние занимает главное место в сюжете³. С самого начала повествования мы видим, как девушки и женщины из дома Таргариенов и близких (родственников) ему сталкиваются с жестко заданными социальными ожиданиями, основанными на традиционных гендерных ролях. Однако весь сюжет романа основан на том, что многие из них находят возможности выработать собственные жизненные стратегии, позволяющие им полностью или отчасти преодолевать эти ограничения и ожидания и вести собственную политическую игру. Особенный интерес в связи с этим представляют биополитические практики контроля и возможность сопротивления им, продемонстрированная в книгах и сериале.

Как философу Мишелю Фуко мы обязаны многим, в том числе значительной трансформацией наших представлений о генеалогии власти и ее функционировании в современных обществах⁴. Одним из ключевых понятий, которые заимствуют у него последующие авторы, является «биополитика». Этот термин был впервые введен Фуко в курсе лекций под названием «Нужно защищать общество», которые он читал в Коллеж де Франс в 1975–1976 гг. (Фуко, Самарская, 2005). Дальнейшее развитие этой концепции и наиболее полное раскрытие идей биополитики и биовласти мы находим в лекциях «Безопасность, территория, население» (Фуко, Суслов и др., 2011а) и «Рождение биополитики» (Фуко, Дьяков, 2010), прочитанных в Коллеж де Франс с 1977 по 1979 г.

Биополитика, по Фуко, представляет собой особую форму и тип осуществления власти, которая сосредоточена на управлении населением и контроле над его жизнью. Фуко писал, что в начале XVII–XVIII в. возникает новый вид власти, в основе которой находится контроль над человеком посредством дисциплинарных мер. Основным объектом этого контроля становится человеческое тело, подвергающееся тщательной и систематической тренировке, муштре, манипуляциям и изменениям.

³Известно, что в 2013 г. в качестве самостоятельной повести под названием «Принцесса и королева» Марином был опубликован отрывок из еще не дописанной книги, главной героиней которого была принцесса Рейенира. Официальный перевод повести на русский язык для антологии «Смертельно опасны» (издательство АСТ, 2015) выполнила Н. Виленская, которая переводит и основной цикл саги (<https://7kingdoms.ru/wiki/Принцессаикоролева>).

⁴См., например, циклы лекций: Фуко, Дьяков, 2011b; Фуко, Дьяков, 2014.

Тело должно стать послушным, так как только такой тип телесности может быть подчинен, использован, модифицирован и принесет экономическую выгоду. Для реализации своих целей дисциплинарная власть требует «послушных тел». В этом контексте власть применяет различные технологии, включая распределение людей по определенным пространствам («формирование пространства»), дисциплинарный надзор и регулярные тренировки, направленные на повышение полезности индивида и формирование послушания, а также полное наблюдение. Однако во второй половине XIX в. дисциплинарная власть трансформируется в такую, которая обращается к человеку не как к подчиненному субъекту, а как к живому существу. Этот новый тип власти Фуко обозначил термином «биополитика»:

Таким образом, кроме первого проявления власти в отношении тела, которое осуществляется способом индивидуализации, есть второе проявление власти, не индивидуализующее, а массифицирующее, оно, если угодно, реализуется не в отношении человека-тела, а в отношении человека-рода. После анатомо-политики человеческого тела, утвердившейся в ходе XVIII в., в конце этого же века можно отметить нечто другое, что уже не является анатомо-политикой человеческого тела и что я бы назвал «биополитикой» человеческого рода (Фуко, Самарская, 2005: 312).

Биополитика предполагает внимание государства к таким аспектам, как санитарные меры, демография, образование и социальное обеспечение. Она направлена на оптимизацию жизни людей и управление их поведением с целью повышения продуктивности и здоровья населения. Даже сама категория «население» отсылает нас к осуществлению биополитического контроля.

Для иллюстрации своих идей Фуко приводит пример города, где архитектурные решения, системы наблюдения и полицейские меры сочетаются с различными способами управления жизнью. Это включает санитарные условия, систему страхования, экономические привычки и, в первую очередь, контроль над сексуальностью. Фуко считает, что сексуальность стала основным объектом воздействия власти, поскольку она в наибольшей степени подвержена дисциплинарным и регулирующим практикам:

С одной стороны, он (секс. — *М. М.*) принадлежит к дисциплинам тела: дрессура, интенсификация и распределение сил, пригонка и экономия энергий. С другой стороны, через все индуцируемые им глобальные эффекты он оказывается сопряженным с регулированием народонаселения. Он вставлен

одновременно в оба эти регистра; он оказывается поводом для бесконечно малых наблюдений, для ежеминутного контроля, для чрезвычайно тщательного обустройства пространства, для нескончаемых медицинских и психологических обследований — для целой микровласти над телами; но точно так же он оказывается поводом для всеобъемлющих мер, для статистических оценок, для вмешательств, нацеленных на все социальное тело в целом или на группы в их совокупности (Фуко, Табачников, 1996: 448).

Биовласть, в свою очередь, является более узким понятием, которое Фуко использует для описания специфических механизмов власти, связанных с контролем над телесностью и жизнью. Биовласть проявляется через различные институты и практики, такие как медицина, психиатрия, образование и т. д. Эти институты не только регулируют поведение людей, но и формируют их идентичность и социальные роли. Фуко подчеркивает, что биовласть не является репрессивной; она скорее производительна. Биовласть может проявляться в виде контроля за здоровьем (например, вакцинация), регулирования миграции, а также в социальных и экономических политиках, направленных на «оптимизацию» жизни граждан. Это означает, что власть не только ограничивает свободу, но и создает новые формы жизни и идентичности. Например, медицинские практики формируют представления о здоровье и болезни, что влияет на то, как люди воспринимают себя и свое тело⁵.

С понятием «биополитика» работает также Джорджо Агамбен, и в его теории основной акцент делается на том, как власть управляет жизнью и телесностью индивидов. Основываясь на работах Фуко, Агамбен углубляет понимание биополитики, сосредотачивая внимание на том, как политические структуры формируют и контролируют человеческую жизнь. Как и Фуко, он довольно много пишет об «экстремальных» ситуациях, в которых оказываются человеческие существа, где наиболее ярко и полно проявляется биополитическая природа государственной власти. В книге «*Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*» (Агамбен, Соколов, 2011) он описывает ситуации, в которых власть может действовать вне правовых норм и стандартов, исключая определенные группы людей из системы правовой защиты. Эти ситуации возникают, например, когда беженцы или лица, находящиеся под подозрением, оказываются вне рамок обычного правового порядка, за пределами защищающих всех нас государственных законов, и становятся объектами произвольного контроля и воздействия. Агамбен утверждает, что

⁵См., например: Mills, 2011.

в таких условиях индивиды могут быть подвергнуты произвольному контролю и насилию, поскольку они не обладают правами, которые обычно защищают граждан. Также он вводит понятие «отношений исключения», в которых индивиды могут быть лишены своих прав. Это такие состояния, как войны или кризисы, когда власть может действовать вне рамок закона, что приводит к нормализации государственного насилия.

В этих своих размышлениях Агамбен ссылается на определение суверена, данное Карлом Шмиттом, который говорит, что «суверен — это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт, 2000: 15). В состоянии чрезвычайного положения правила, нормы, законы не перестают действовать, они только временно приостанавливаются, давая место «исключению». Исключение представляет собой временное отступление от норм, оно не отменяет их полностью. Однако состояние чрезвычайного положения не является только лишь моментом, это длительный процесс, при котором люди продолжают как-то жить. Агамбен пишет, что в условиях чрезвычайной ситуации закон прекращает свое действие по решению властей и человеческая жизнь возвращается к своему первоначальному состоянию, представляя собой просто жизнь, «голую жизнь». Идеальным воплощением такой «голой жизни» является *homo sacer*, персонаж, о котором в римском праве было сказано, что его можно убить безнаказанно, но нельзя принести в жертву, поскольку это человек, который изъят из сферы действия закона, но и под защитой богов не находится: «Жизнь, не подлежащая жертвоприношению, но подлежащая убийству, есть *vita sacra*» (Агамбен, Соколов, 2011: 107).

Таким образом, Агамбена в качестве политического субъекта интересуется человек, который в силу каких-то обстоятельств оказывается вне сферы действия права, а основой политической власти является «голая жизнь», которая полностью уязвима и именно потому интересуется политического философа, что она не гарантирована:

Не просто естественная жизнь, но жизнь, обреченная на смерть (голая жизнь или *vita sacra*), является началом политического. [...] первоосновой политической власти является жизнь, абсолютно не защищенная, которая включается в сферу политического, поскольку ее можно всегда безнаказанно отобрать (там же: 114).

По Агамбену, любая власть — биополитическая, потому что мы как граждане добровольно отдаем государству право принимать все или большинство решений, касающихся нашей жизни, добровольно превращаясь таким образом в фигуру *homo sacer*.

Безусловно, эти рассуждения можно признать имеющими право на существование, если мы принимаем гоббсовские представления о природе государства и возможных пределах его власти. Такими пределами должны быть естественные права человека, и очень интересно было бы порассуждать о том, есть ли у человека, которого описывает Агамбен, естественные права. Вероятно, нет — только политические. Агамбен обращается к греческим терминам *zoe* и *bios*, которые служат для различения жизни как объективного факта существования, факта жизни как таковой (*zoe*) и способа жить в качестве человека или группы людей (*bios*) (Агамбен, Соколов, 2011: 7). Он считает характерной чертой современных демократий их общность с тоталитарными режимами в том, что каждый демократический режим де-юре заявляет стремление обеспечить счастье и свободу для человека, однако де-факто человек оказывается лишь «голой жизнью» под контролем власти: «Политика смогла в невиданных прежде масштабах состояться как политика тоталитарная только благодаря тому, что в наше время она полностью обратилась в биополитику» (там же: 153). До тех пор, пока это так, любой политический режим будет биополитическим, а создание биополитического тела будет являться истинной функцией суверенной власти: «включение голы жизни в сферу политического составляет первоначальное — хоть и потаенное — ядро суверенной власти. Можно даже сказать, что производство биополитического тела и является подлинной деятельностью суверенной власти» (там же: 13).

Сделав этот краткий экскурс в исследование биополитики, мы можем обратиться к политико-философским идеям романа «Пламя и кровь» и сериала «Дом Дракона» и посмотреть, что интересного мы можем там найти. В целом политическая философия в этих произведениях включает несколько довольно сложных тем, как вполне традиционных для жанра фэнтези (вопросы обретения и удержания власти, образы власти, проблемы легитимности, династические конфликты и моральные дилеммы), так и очень специфических. Напомним, что сюжет сериала разворачивается в мире Вестероса, где борьба за трон становится центральным элементом сюжета, в связи с чем одной из главных является проблема легитимности власти. В Вестеросе она зачастую основана на наследственной передаче власти от отца к сыну — за редкими исключениями, когда девочки могли вступать в права наследования.

Однако, как показывает сюжет, легитимность власти не всегда определяется только правом и законом. Конфликты между различными ветвями семьи Таргариенов ставят под сомнение традиционные представления о том, кто действительно имеет право править. Например, Рейенира Таргариен, как законная наследница, сталкивается с оппозицией со стороны тех, кто считает, что только мужчины могут занимать трон. Этот конфликт, ставший основой сюжета сериала, иллюстрирует, что легитимность власти может быть оспорена и оспаривается, и что вопрос правления часто зависит не только от крови, но и от силы, влияния и поддержки. Семейные связи Таргариенов становятся источником как силы, так и разрушения. Конфликты между различными претендентами на трон показывают, как личные амбиции могут привести к гражданской войне. Например, борьба между Рейенирой и ее сводным братом Эйегоном за трон иллюстрирует, как семейные узы могут стать причиной глубоких разделений и насилия. Этот конфликт также поднимает вопросы о доверии и предательстве внутри семьи, а также о том, как личные интересы могут затмить общие и то, каким должен быть достойный правитель. Персонажи саги, претендующие на обладание властью, часто сталкиваются с моральными дилеммами, которые требуют от них выбора между личными интересами и благом всего королевства. Эти дилеммы подчеркивают, что в политике нет простых решений, а готовность некоторых персонажей пойти на крайние меры ради достижения своих целей ставит под сомнение моральные основы их действий и как следствие — их право занимать трон. Жесткие решения, такие как предательство или убийство, могут становиться нормой в борьбе за власть, что вызывает вопросы о моральной ответственности и последствиях этих действий для всего королевства, и особенно интересно в связи с этим, как по-разному оцениваются эти решения, когда их принимают правители-мужчины и правители-женщины. К этой теме мы еще вернемся.

Обычаи и ритуалы, связанные с наследованием власти, формируют поведение персонажей и их взаимодействие, потому что обладание властью — это основная цель тех, кто считает себя вправе быть на троне. Однако и в книгах, и в сериале демонстрируется, что традиции могут быть как источником стабильности, так и причиной конфликтов. Вопрос о том, нужно ли следовать традициям или пересматривать их, становится актуальным в изменяющемся мире Вестероса. Рейенира, как женщина, борющаяся за право на трон, бросает вызов традиционным представлениям о роли женщин в обществе, что приводит к конфликтам

с теми, кто придерживается устаревших норм и считает, что женщине не место на троне. В целом вопрос о легитимности женщин-правительниц является одной из центральных тем саги.

Женских персонажей в романе достаточно много и, как уже говорилось ранее, они намного чаще оказываются в центре схождения сюжетных линий, чем в «Песни льда и пламени», хотя там мы тоже можем многое сказать об этических и политических мотивах поведенческих стратегий основных женских персонажей саги⁶.

На самых первых страницах романа мы встречаем двух сестер Эйегона Завоевателя: Висенью и Рейенис (Мартин, Виленская, 2023а: 11), которые правили вместе с ним и «помогали ему во всем» (там же: 42). Хронист, от лица которого ведется повествование, указывает, что ни одна королева в истории Вестероса, исключая Алисанну (о которой дальше также пойдет речь), не оказывала такого влияния на политику государства, как сестры Эйегона, остававшиеся на Железном троне, когда его не было в столице, и замещавшие его как полноправные правительницы. В зрелые годы и в старости Висенья (Рейенис умерла довольно рано) оставалась политически активной, принимала участие в борьбе за Железный трон на стороне своего сына Мейегора, имея собственные представления о будущем королевства и о том, кто им должен править.

И Висенья, и Рейенис были женами Эйегона, так как среди Таргариенов было принято заключать браки между братом и сестрой или, если такой возможности нет, между чуть более дальними родственницами. Это было очень важной частью социализации девочек-принцесс: они с детства знали будущих мужей, могли изучить их характер и привычки, что давало возможность подготовиться к замужеству и будущему правлению вместе с мужем-братом, заранее продумать стратегию совместного правления. Это давало им важные преимущества как будущим принцессам и королевам. Как пишет хронист, такие брачные стратегии должны были вызвать негодование в Вестеросе, но «знакомство — мать согласия», и постепенно народ к этому привык (там же: 55). Таргариены в этом смысле были классическими примерами чужаков по Зиммелю (см. Зиммель, Филиппов, 2008), и от них не ждали соответствия принятым в Вестеросе социальным и этическим нормам. Но это касалось только самого Эйегона и его сестер-жен, его потомкам пришлось искать

⁶См., например: М. Д. Марей, 2020.

невест за пределами семьи — они перестали быть чужаками и стали правящей династией, а значит, на них распространялись те же требования, что и на местную аристократию. Их жены не были с детства воспитаны королевами и никогда не становились равными своим мужьям.

Король Джейехерис I нарушил этот обычай, женившись на своей сестре Алисанне. Они росли вместе и с детства были очень дружны (Мартин, Виленская, 2023а: 134), планировали пожениться, когда вырастут, а узнав, что их мать собирается найти им других супругов, поженились тайно, сочтя обычаи Таргариенов наиболее приемлемыми для себя. С самого начала брака Джейехрис принимал советников вместе с Алисанной и у них не было секретов друг от друга (там же: 140). В сюжет сериала «Дом Дракона» эта история не вошла, но Алисанна — одна из самых значимых ролевых моделей и очень влиятельная королева, известная, в числе прочего, принятием двух важных законов, которые в книге так и названы: «законы Алисанны». Хронист мейстер Гильдейн указывает, что это название неверно, поскольку Алисанна не была равной Висенье и Рейенис и не была настоящей правительницей, однако признает, что народная молва называет их именно так.

Первый закон касался бесправного положения вдов (там же: 199) и назывался «вдовый закон». В мирное время, когда мужчины живут дольше, чем женщины, которые часто умирают во время родов, вдовцы часто женятся второй раз, и это создает сложности в наследовании, если вторая жена моложе мужа и он умирает раньше нее. Дети от первого брака и иные наследники, пишет хронист, могли поступать со вдовой, не защищенной законом, как им вздумается, в том числе выгнать ее из дома и лишить всего имущества. Королева Алисанна узнала об этом, когда в одной из совместных с королем поездок созвала к себе местных женщин из знатных семей, чтобы расспросить их о том, чего не расскажут королю мужчины. На эту практику стоит обратить внимание, Алисанна в этом смысле уникальный для книги персонаж: единственная королева, сознательно создающая вокруг себя женские неформальные сообщества, своеобразные «женские круги» (там же: 257) (их можно было бы назвать салонами, но это будет явным анахронизмом). В них обсуждаются проблемы, значимые именно для женщин, остающиеся вне мужского внимания как менее важные или просто неизвестные: напомним, что практика совместного с мужем правления и участия в делах государства в целом (или в управлении поместьем, замковыми делами или одним из королевств) — это новшество, привнесенное Таргариенами и во многом обусловленное близкими родственными связями короля

и королевы. Узнав о бедственном положении вдов, Алисанна рассказывает об этом мужу, и тот принимает «вдовый закон», регулирующий имущественные и иные права вдов наравне с иными наследниками.

Вторым важным законом, принятым королем с подачи Алисанны, была отмена «права первой ночи», издавна существовавшего в Вестеросе, о котором она узнала во время самостоятельного путешествия на Север из общения с местными женщинами, в том числе с теми, чья компания признавалась неподобающей для королевы (Мартин, Виленская, 2023а: 261). Вернувшись в Красный Замок, королева рассказала об этом мужу и потребовала отменить позорный обычай, существование которого было одной из причин того, что многие женщины, столкнувшиеся с этой практикой, вынуждены были в дальнейшем зарабатывать проституцией: возможности оставаться в законном браке у них не было, так как мужья отказывались от них. Джейехерис внял возмущению жены и принял закон, отменяющий право первой ночи.

В правление Джейехериса I был принят еще один закон, сыгравший большую роль в дальнейшей истории: закон о престолонаследовании. Согласно ему, «ни женщины, ни потомки мужского пола по женской линии, невзирая на старшинство, не могут унаследовать Железный Трон Вестероса» (там же: 347). Одним из последствий этого закона станет гражданская война, развязанная принцессой Рейенирой Таргариен и второй женой ее отца, леди Алисент Хайтауэр.

Королева Алисанна была, пожалуй, последним персонажем, к которому хронисты относились с симпатией, признавая ее заслуги как соправительницы Джейехериса I и королевы, заботящейся не о собственных интересах, а об интересах подданных. Можно предположить, что с этим связано практически полное отсутствие упоминаний о ее внешности, особенно негативного характера. Когда она упоминается в книге в первый раз, хронист отмечает, что она молода и красива, но далее об этом не говорит, отмечая только другие ее добродетели: умение слушать, умение быть неприхотливой в еде там, где в этом есть необходимость, упорство, любовь к мужу и т. д. Ее внешняя привлекательность не ставится под сомнение, в отличие от того, как описывается принцесса Рейенира: в детстве и юности ее называли «жемчужиной королевства» и описывали как очень красивую девушку (там же: 348), но во второй части саги хронист часто пишет о том, что с возрастом она утратила внешнюю привлекательность, и в том числе с этим связывает порчу ее характера, конфликты с мужем и ненависть к Алисент, которая оставалась привлекательной и в зрелые годы (там же: 371).

Алисанна же осталась в памяти народа и текстах хроник как прекрасная королева: это тот случай, когда внешняя привлекательность связана с добродетелями и хорошая королева не может быть описана как некрасивая. С точки зрения биополитики, как ее понимает Агамбен, рассказы хрониста о королеве Алисанне и принцессе Рейенире можно интерпретировать через биополитическую призму отношений власти и вопрос о том, кто занимает трон по праву и правит, заботясь о подданных, а кто стремится узурпировать власть во имя собственных интересов, к тому же незаконных и потому нелегитимных. В этом контексте важно, как хронист показывает внешний образ этих женских персонажей и каким образом их внешность влияет на восприятие их социальной и политической роли.

Королева Алисанна представлена в романе как персона, которая воплощает идеалы добродетели и служения народу. Ее внешность, хотя и упоминается в начале, затем уходит на второй план, что подчеркивает ее внутренние качества и способности. Это может свидетельствовать о том, что в биополитическом контексте ценятся не только физические характеристики, но и моральные качества, которые способствуют стабильности и гармонии в обществе, при этом внешнее определяется внутренним. В этом смысле Алисанна становится символом идеальной правительницы, чьи действия направлены на благо подданных, что, в свою очередь, легитимирует ее положение и воплощается в идеальном внешнем облике.

В отличие от нее, принцесса Рейенира, чья красота изначально восхваляется, далее становится жертвой биополитического контроля: ее физическое состояние напрямую связано с ее моральными выборами и социальным статусом. Утрата внешней привлекательности Рейениры ассоциируется с падением ее авторитета и ухудшением характера; это пример того, как в книжных текстах и в кино можно использовать физические характеристики для оценки женской идентичности и способности к правлению. Это создает неравенство в восприятии женских фигур: Алисанна, оставаясь символом добродетели, не подвергается такому же строгому контролю, как Рейенира, чья ценность определяется через призму красоты и ее утраты; женщины в этом псевдоисторическом нарративе могут оцениваться через призму своих физических и моральных качеств, что в конечном итоге влияет на их статус и роль в обществе. Как пишет хронист, «многие ли лорды захотят сражаться за немолодую уже, отяжелевшую после шести родов женщину?» (Мартин, Виленская, 2023b: 22). Кроме того, он называет Рейениру «мстительной и алчной

женщиной» (Мартин, Виленская, 2023b: 98), что тоже не относится к добродетелям истинной королевы.

В книгах нет таких выразительных сцен родов и их последствий, которые есть в сериале «Дом Дракона». В сериале эти моменты не только подчеркивают физическую уязвимость женщин, но и иллюстрируют то, как их репродуктивные функции становятся объектом власти и контроля: женщины, особенно королевы, находятся под давлением социальных норм и ожиданий, связанных с материнством и продолжением рода, а также необходимостью продемонстрировать только что родившегося ребенка не только его отцу, но и королю с королевой (этому посвящена невероятно выразительная сцена идущей по лестнице Рейениры, оставляющей за собой кровавый след). В контексте династических интересов и неразрешенного вопроса о будущем наследнике короля Визериса рождение детей становится вопросом не только личной судьбы принцесс, но и будущей политической стабильности. Это создает биополитическую динамику и сюжетное напряжение, когда жизнь и смерть женщин напрямую влияют на власть и легитимность будущих правителей. В сериале это демонстрируют постоянные намеки на то, что дети Рейениры не от ее мужа, а значит, незаконные и не могут претендовать на трон, хотя рождены ею, законной принцессой из рода Таргариенов. Это подчеркивается и внешним отличием темноволосых и темноглазых мальчиков от других детей дома Таргариенов.

Кроме того, сложные и опасные роды, как в случае с Рейенирой и Лейной Веларион, второй женой Деймона Таргариена, подчеркивают риск, связанный с репродуктивной функцией, и демонстрируют, как общество контролирует и оценивает женскую способность выполнять «материнские» роли. Смерти женщин в сериале также имеют биополитическое значение. Это не просто трагические события, а моменты, которые могут изменить ход политической истории. Королева, рождающая ребенка, — это не просто женщина, она исполняет не только супружеский, но и государственный долг. И смерть королевы, особенно в контексте родов, может быть воспринята и интерпретирована как потеря не только индивидуальной жизни, но и возможности получения потенциального легитимного наследника, надежды государства, что ставит под угрозу судьбу династии. Это показывает, как общественные нормы и ожидания формируют восприятие женской жизни и смерти, а также их последствия для политической структуры. Напомним, Лейна умирает во время родов, как и мать Рейениры, которая мечтала

подарить мужу сына и наследника, осознавая, что дочь не может наследовать трон, а значит, до рождения сына ее миссия как королевы не выполнена. Здесь нельзя не вспомнить, что об Алисанне Таргарин в книге ничего подобного не рассказывалось: она, как и подобает хорошей королеве, исполнила свое биополитическое предназначение и родила мужу много наследников и наследниц.

Еще одной важной темой, имеющей отношение к женщинам и власти, являются отношения Рейениры с Железным тронном, который в саге показан не просто как место короля или символ власти, но как артефакт, имеющий собственную политическую волю⁷. Он мог отвергать королевей и тогда ранил их, оставляя незаживающие следы. Рейениру Железный трон не принимал (Мартин, Виленская, 2023b: 86, 99, 150), рая каждый раз, когда она садилась на него. Когда Рейенира пытается занять трон, ее ранения становятся символом не только физической боли, но отчасти символом глубокого культурного и социального сопротивления, с которым сталкиваются женщины, стремящиеся к власти. Железный трон, отвергая ее, подчеркивает, что не всякая форма власти может быть признана легитимной и что общественные нормы и ожидания продолжают оказывать влияние на восприятие женщин у власти. Это создает напряжение между личными амбициями Рейениры и общественными стандартами, которые определяют, кто может и кто не может занимать позиции власти — хронист пишет о ее ранах с явным одобрением и осуждает ее как узурпатора власти и недостойную правительницу.

В этом контексте Железный трон становится не просто объектом желаяния, но и символом жестоких норм, которые регулируют женскую идентичность и ее место в политической иерархии. Таким образом, отношения Рейениры с Железным тронном подчеркивают то, как биополитический контроль формирует представления о власти, идентичности и легитимности, создавая сложные и часто противоречивые динамики в контексте женской борьбы за место в мире, где власть традиционно ассоциируется с мужчинами.

Как уже было сказано ранее, именно концепция биополитики, предложенная Мишелем Фуко, открыла нам новые горизонты для понимания власти в современных обществах и ее воздействия на жизнь индивидов.

⁷Подробнее о Железном троне см.: Штейнман, 2019.

Фуко демонстрирует, что биополитика представляет собой не просто механизм контроля, а сложную сеть отношений между государственными институтами и населением, в рамках которой осуществляется управление жизнью, здоровьем и поведением граждан, подданных и правителей. Это управление не только затрагивает физическое существование людей, но и формирует их идентичности, социальные роли и представления о норме. Ключевым аспектом биополитики является внимание к населению как к объекту управления. Фуко подчеркивает, что с переходом к биополитике власть начинает действовать не только через дисциплинарные меры, но и через оптимизацию жизни целых популяций людей. Это включает в себя такие сферы их жизни, как санитарные меры, образование, социальное обеспечение и контроль над сексуальностью. Власть стремится не просто подчинить индивидов, но создать условия, в которых они могут максимально эффективно функционировать как часть общества. Таким образом, биополитика становится инструментом не только контроля, но и производства новых форм жизни и идентичности.

В романе «Пламя и кровь» и сериале «Дом Дракона» мы видим сложные взаимосвязи между легитимной и нелегитимной властью, гендерными ролями и моральными дилеммами, с которыми сталкиваются персонажи Вестероса. Использование теорий Агамбена и Фуко в данном исследовании открывает новые горизонты для понимания того, как власть и контроль над телами, особенно женскими, формируют не только индивидуальные судьбы, но и более широкие политические структуры общества.

Вестерос, как мир, в котором происходят династические конфликты и ведется борьба за трон, служит идеальной площадкой для анализа вопросов легитимности власти. В этом контексте легитимность не сводится лишь к юридическим нормам (которые, как и почти везде у Мартина, показаны довольно широкими мазками, без конкретики)⁸, но также включает культурные и социальные ожидания, которые могут оказывать значительное влияние на восприятие правителей. Конфликт между Рейенирой Таргариен и Эйегоном (и представляющей его интересы королевой Алисент), как центральный элемент сюжета, иллюстрирует, что наследственное право на трон может быть оспорено не только в рамках правовых норм, но и в контексте существующих в этом обществе стереотипов.

⁸Подробнее об этом см.: А. В. Марей, 2020.

С точки зрения биополитики, как ее понимает Агамбен, можно утверждать, что персонажи саги, претендующие на обладание властью, становятся объектами контроля, который проявляется через их физическое состояние, репродуктивные функции и социальные роли. Рейенира, стремящаяся занять трон, оказывается под давлением не только своих амбиций, но и общественных норм, которые ограничивают ее возможности. Ее отношения с Железным тронном, который физически отвергает ее, становятся символом не только личной борьбы, но и более широкого культурного сопротивления, с которым сталкиваются женщины, стремящиеся к власти. Эти «незаживающие следы» на теле Рейениры представляют собой метафору для систем контроля, действующих на женщин в обществе, подчеркивая, что стремление к власти сопряжено с рисками и жертвами.

Анализ образов женских персонажей, таких как Алисанна и Рейенира, показывает, как их идентичности формируются в зависимости от их физической привлекательности и моральных качеств. Алисанна, как идеальная королева, олицетворяет добродетель и служение народу, что способствует легитимации ее власти. В то же время Рейенира, чья ценность часто определяется через призму ее внешности и способности к материнству, сталкивается с жестокими оценками и предвзятостью, что ставит под сомнение ее право на трон. В этой связи интересно вспомнить другую королеву, Дейенерис Таргариен, в случае которой мы также видим тесную взаимосвязь между ее способностью к материнству и правом на трон. Только Дейенерис, в отличие от Рейениры, становится королевой, лишь утратив способность к деторождению⁹. Смерти персонажей, таких как Лейна и мать Рейениры, не только являются трагическими событиями, но и имеют глубокие политические последствия, ставя под угрозу династии и наследие. Эти моменты акцентируют внимание на том, как общественные нормы и ожидания формируют восприятие женской жизни и смерти, в том числе ожидаемой смерти как жертвы во имя жизни будущих потомков.

Таким образом, в биополитической оптике, предложенной Фуко и Агамбеном, «Пламя и кровь» и «Дом Дракона» становятся не просто историями о борьбе за власть, но и глубокими исследованиями того, как индивидуальные судьбы переплетаются с более широкими социальными и политическими структурами. Власть в Вестеросе не является

⁹Более подробно об этом можно почитать в: Marques, 2019.

статичной; она постоянно изменяется и адаптируется, формируя и трансформируя идентичности персонажей в зависимости от их положения в обществе. Женские персонажи, такие как Рейенира и Алисанна, становятся живыми примерами того, как личные амбиции и общественные ожидания могут вступать в конфликт, создавая напряжение, которое пронизывает весь сюжет. Также их борьба за трон иллюстрирует, как биополитические механизмы действуют на уровне индивидуальных жизней, формируя их судьбы через призму власти, контроля и социальных норм. Власть в Вестеросе не просто подавляет, но и формирует людей, особенно правителей и правительниц. Она создает условия, в которых индивиды могут действовать, но при этом устанавливает рамки, в которых эти действия воспринимаются и оцениваются. Таким образом, «Пламя и кровь» и «Дом Дракона» служат не только увлекательным фэнтезийным повествованием, но и важным полем для анализа биополитических механизмов, которые продолжают оказывать влияние на наше понимание власти, идентичности и функционирования политических норм.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / под ред. Д. Новакова ; пер. с итал. П. Соколова. — М. : Европа, 2011.
- Жиличева Г. А.* Функции «ненадежного» нарратора в русском романе 1920–30-х годов // Вестник ТГПУ. — 2013. — № 11. — С. 32–38.
- Зиммель Г.* Эссе о чужаке / пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория : история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». — СПб. : Владимир Даль, 2008. — С. 7–13.
- Марей А. В.* Карлик, евнух и банкир : интуиции современного государства в Вестеросе // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19, № 1. — С. 160–182.
- Марей М. Д.* Не только мать, жена и королева : этические и политические стратегии женских персонажей в цикле романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19, № 1. — С. 209–226.
- Марков А. В.* Прибавление смысла в графическом романе С. Ануфриева и П. Пеперштейна «Мифогенная любовь каст» // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2023. — Т. 8, № 2. — С. 40–52.
- Мартин Д. Р. Р.* Пламя и кровь. Кровь драконов / пер. с англ. Н. Виленской. — М. : АСТ, 2023а.
- Мартин Д. Р. Р.* Пламя и кровь. Пляска смерти / пер. с англ. Н. Виленской. — М. : АСТ, 2023б.

- Фуко М.* Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. С. В. Табачникова. — М. : Касталь, 1996.
- Фуко М.* Нужно защищать общество : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. — СПб. : Наука, 2005.
- Фуко М.* Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. Дьякова. — СПб. : Наука, 2010.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011а.
- Фуко М.* Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. — СПб. : Наука, 2011б.
- Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. — СПб. : Наука, 2014.
- Штейнман М. А.* Трансформация метафоры власти в XX – начале XXI столетия (на примере произведений Дж. Р. Р. Толкина и Дж. Мартина) // *Полития.* — 2019. — № 2. — С. 28–48.
- Штейнман М. А.* «Дракарис» : драконы и их всадники в мире «Игры престолов» / YouTube. — 2024. — URL: https://www.youtube.com/live/YzQUomrY3wI?si=B_rLz_TPPW4bFeci&t=4412 (дата обр. 10 дек. 2024).
- Gustafsson H., Grønstad A.* Giorgio Agamben and the Shape of Cinema to Come // *Cinema and Agamben. Ethics, Biopolitics and the Moving Image* / ed. by H. Gustafsson, A. Grønstad. — New York : Bloomsbury Publishing, 2014. — P. 1–17.
- Marques D.* Power and the Denial of Femininity in Game of Thrones // *Canadian Review of American Studies.* — 2019. — Vol. 49, no. 1. — P. 46–65.
- Mills C.* Futures of Reproduction : Bioethics and Biopolitics. — Dordrecht : Springer, 2011.

Marey, M. D. 2025. "Zhenskiye obrazy v romane 'Plamya i krov'" i seriale 'Dom Drakona' [Female Characters in the Novel 'Fire and Blood' and the Television Series 'House of the Dragon']: biopoliticheskiy kontekst [A Biopolitical Context]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (1), 121–142.

MARIA MAREY

PHD IN PHILOSOPHY

EXECUTIVE SECRETARY

JOURNAL "PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS" (MOSCOW, RUSSIA)

ASSOCIATE PROFESSOR

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9251-4399

FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL "FIRE AND BLOOD" AND THE TELEVISION SERIES "HOUSE OF THE DRAGON"

A BIOPOLITICAL CONTEXT

Submitted: Aug. 10, 2024. Reviewed: Oct. 25, 2024. Accepted: Feb. 27, 2025.

Abstract: The article is a study of the ethical and political motives behind the behavioral strategies of the main female characters in the novel "Fire and Blood" and its HBO adaptation "House of the Dragon". Special attention is given to how female characters develop their own identity formation strategies, distinct from those expected of them based on their social, familial (matrimonial), and power status, and how they utilize the means available to them (marriage, childbirth, family resources, emotional labor, etc.). By addressing the concept of "biopolitics" as discussed by M. Foucault and G. Agamben, the author demonstrates how G. Martin employs ideas of biopolitics and biopower to engage with the same themes that serve as the leitmotif of "A Song of Ice and Fire": the essence of power, the differences in male and female power strategies, and the images through which the source of power is visualized, particularly through the work with the body and corporeality in its various manifestations (including the demonstration of childbirth). Thus, the article not only deepens the understanding of female roles within the context of the fantasy world but also offers broader reflections on power, identity, biopolitics, and resistance to biopolitical control.

Keywords: Power, Ethics, Politics, Biopolitics, Women, Identity, Political Philosophy, Martin, Foucault, Agamben.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-1-121-142.

REFERENCES

- Agamben, G. 2011. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Il potere sovrano e la nuda vita] [in Russian]. Ed. by D. Novikov. Trans. from the Italian by P. Sokolov. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Foucault, M. 1996. *Volya k istine* [The Will to Truth]: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. *Raboty raznykh let* [Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years] [in Russian]. Trans. from the French by S. V. Tabachnikov. Moskva [Moscow]: Kastal'.
- . 2005. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo* [Il faut défendre la société]: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [Cours au Collège de

- France (1975–1976)) [in Russian]. Trans. from the French by Ye. A. Samarskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Rozhdeniye biopolitiki [La Naissance de la biopolitique]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu [cours au Collège de France (1978–1979)]* [in Russian]. Trans. from the French by A. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011a. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [cours au Collège de France (1977–1978)]* [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2011b. *Upravleniye soboy i drugimi [Le Gouvernement de soi et des autres]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1982–1983 uchebnom godu [cours au Collège de France (1982–1983)]* [in Russian]. Trans. from the French by A. V. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2014. *Muzhestvo istiny. Upravleniye soboy i drugimi II [Le courage de la vérité. Le gouvernement de soi et des autres II]: kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1983–1984 uchebnom godu [cours au Collège de France (1983–1984)]* [in Russian]. Trans. from the French by A. V. D'yakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Gustafsson, H., and A. Grønstad. 2014. "Giorgio Agamben and the Shape of Cinema to Come." In *Cinema and Agamben. Ethics, Biopolitics and the Moving Image*, ed. by H. Gustafsson and A. Grønstad, 1–17. New York: Bloomsbury Publishing.
- Marey, A. V. 2020a. "Karlik, yevnukh i bankir [Dwarf, Eunuch, and Banker]: intuitsii modernogo gosudarstva v Vesterose [The Intuitions of the Modern State in Westeros]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 19 (1): 160–182.
- Marey, M. D. 2020b. "Ne tol'ko mat', zhena i koroleva [Not Just Mother, Wife, and Queen]: eticheskiye i politicheskiye strategii zhenskikh personazhey v tsikle romanov 'Pesn' l'da i plameni' Dzh. Martina [The Ethical and Political Strategies of Female Characters in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 19 (1): 209–226.
- Markov, A. V. 2023. "Pribavleniye smysla v graficheskom romane S. Anufriyeva i P. Pepperstheyne 'Mifogennaya lyubov' kast' [Meaning Making in the Graphic Novel by S. Anufriev and P. Pepperstein 'The Mythogenic Love of Castes']" [in Russian]. *Praktiki i interpretatsii [Practices & Interpretations]: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy [A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies]* 8 (2): 40–52.
- Marques, D. 2019. "Power and the Denial of Femininity in Game of Thrones." *Canadian Review of American Studies* 49 (1): 46–65.
- Martin, G. R. R. 2023a. *Plamya i krov'. Krov' drakonov [Fire and Blood. Vol. 1]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Vilenskaya. Moskva [Moscow]: AST.
- . 2023b. *Plamya i krov'. Plyaska smerti [Fire and Blood. Vol. 2]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Vilenskaya. Moskva [Moscow]: AST.
- Mills, C. 2011. *Futures of Reproduction: Bioethics and Biopolitics*. Dordrecht: Springer.
- Shteynman, M. A. 2019. "Transformatsiya metafory vlasti v xx – nachale XXI stoletiya (na primere proizvedeniy Dzh. R. R. Tolkina i Dzh. Martina) [Transformation of Metaphor of Power in the 20th – Early 21st Centuries (On the Example of Works by J. R. R. Tolkien and G. R. R. Martin)]" [in Russian]. *Politiya [Politeia]*, no. 2, 28–48.
- . 2024. "'Drakar'is' ['Dracarys']: drakony i ikh vsadniki v mire 'Igy prestolov' [Dragons and Their Horsemen in the World of 'Game of Thrones']" [in Russian]. YouTube. Accessed Dec. 10, 2024. https://www.youtube.com/live/YzQUomrY3wI?si=B_rLz_TPPW4bFeci&t=4412.

- Simmel, G. 2008. "Ekskurs o chuzhake [Exkurs über den Fremden]" [in Russian]. In *Sotsiologicheskaya teoriya [Sociological Theory] : istoriya, sovremenmost', perspektivy. Al'manakh zhurnala "Sotsiologicheskoye obozreniye" [History, Modernity, Prospects. The Almanac of the Journal "Sociological Review"]*, trans. from the German by A. F. Filippov, 7–13. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Zhilicheva, G. A. 2013. "Funktsii 'nenadezhnogo' narratora v russkom romane 1920–30-kh godov [Functions of the 'Unreliable' narrator in russian novel of the 1920–1930s]" [in Russian]. *Vestnik TGPU [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, no. 11, 32–38.